

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

кавказских мусульман. Шамиль, оказавшись более выдающимся политическим деятелем, затмил собой своего «старшего друга и наставника».

Так как в организации *имамата* и проведения *газавата* активно участвовали *муриды* Г.-М., в отечественной и зарубежной литературе поднятое им движение стало называться «юридизмом». Это весьма неграмотное определение подразумевает суфийскую подоплеку сопротивления горцев русскому завоеванию, что, однако, не подтверждается фактами. Деятельность Г.-М. как главы *имамата* не имела отношения к суфийской практике. Более того, обязанности члена суфийского братства порой противоречили политическим планам *имамата*. Нельзя забывать, что к созданию *имамата* и объявлению *газавата* он пришел вопреки воле своего *мурида*. В братстве *накшбандийа* он занимал относительно скромное положение. Недаром Шамиль, хотя и считал себя *муридом* Г.-М., своим *муришодом* признавал не его, а Джамал ад-дина ал-Газикумуки, который и дал ему впоследствии разрешение быть *шайхом* и региональным руководителем (*халифом*) братства.

Лит-ра: Назир ад-Дургили. Нузхат ал-азхан фи тараджим «улама» Дагистан // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 30, оп. 2, д. 108, 78–85; М.Гайдарбеков. Хронология истории Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 1, д. 236, XIV; Джемаледдин Казикумухский. Ал-Адаб ул-марзия: Накшбандийский трактат (ал-Адаб ал-мардийа фи-т-тарика ан-накшбандийа). Сокр. араб. текст и рус. пер. Оксфорд, 1986, 22–25; М.-Т. аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Пер. с араб. и коммент. А.М.Барабанова и Т.М.Айтберова. Махачкала, 1990, 1, 18–36; 2, 13; Г.Э.Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1994, 126–129; Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Сост. и коммент. В.Г.Гаджиева. Махачкала, 1995, 25–26; Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана шейха сына устада шейха тариката Джамалутдина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Пер. с араб. М.-С.Саидова; ред. пер. А.Р.Шихсандов и Х.А.Омаров. Махачкала, 1997, 28; А.П.Берже. Казн-мулла // Кавказ. Тифлис, 1868, 10, 40–41; [К.И.]Прушиновский. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) // Кавказский сборник. Тифлис, 1902, XXIII, 1–73; А.Руновский. Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время его пребывания в гор. Калуге с 1859 по 1862 год // АКАК. 1904, XII, 1496; С.К.Бушув. Борьба горцев под руководством Шамиля. М., 1937, 67–78; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959; Лавров. Эпиграфические памятники, 2, 38, 97–98, 100–103, 167, 173; М.А.Амирханов. Мир ислама. Махачкала, 1996, 64–82; M.Gammer. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. L., 1994, 225–256; A.R.Shixsaidov. The Biographical Genre in Daghestani Arabic-Language Literature // MC. Bd. 1, 39–61.

В. Б.

Гёзли-ата — святилище, расположенное в степной зоне Забалхання, в 150 км северо-восточнее Красноводска (ныне Туркменбаши). Это место захоронения суфия XIV в. Хасан-ата, более известного в Туркменистане под почетным прозвищем Г.-а. («отец-прозорливец/провидец»), которое он получил, согласно

преданиям, за необычную способность предвидеть события.

Святилище находится в живописной котловине, укрытой от ветра высокими обрывами с выходами разноцветных мергелей. В северной ее части — остатки водохранилища и старого поселения скотоводов; в южной, на возвышении, — средневековое кладбище с могилами Г.-а. и его жены Аксиль-мамá. В конце 60-х гг., когда автору довелось посетить это святое место, они представляли собой длинные выкладки из дикого камня, обнесенные низкими оградками. Какие-либо знаки, надписи и рисунки отсутствовали. Близ могил стоял глинобитный домик для паломников, в котором помимо традиционного набора необходимых вещей (ватных одеял, подушек, посуды, продовольствия, керосиновых ламп, спичек и соли) стояло несколько свернутых кошмовых молитвенных ковриков (*намазлык*), а на одном из подпирающих кровлю столбов на огромный гвоздь были нанизаны записки паломников с указанием, кто, когда и откуда прибыл и что сделал по благоустройству святилища. Судя по записям (несмотря на то что добраться до этих мест непросто), его посещали паломники почти из всех областей Туркменистана — Красноводской, Ашхабадской, Марыйской и Ташаузской, а также из Южной Каракалпакии. В прошлом, очевидно, имелось более капитальное культовое сооружение, о чем свидетельствовал сохранившийся перед могилой Г.-а. фундамент-выкладка из белого камня (5х5 м) с остатками жертвенных животных. В середине 90-х гг. XX в. было создано историко-религиозное общество «Гёзли-ата» с центром в Красноводске. Его стараниями на святилище, у которого теперь есть постоянный смотритель (*мюджевнер*, от араб. *муджавир* — «живущий по соседству»), построены памятные мавзолей-гробница и гостевой дом для паломников.

Святилище существует со второй половины XIV в., со времени смерти Г.-а., который провел последний, значительный этап своей жизни как проповедник суфизма среди туркмен-скотоводов Забалхання и снискал славу «святого». О степени почитания Г.-а. говорится в анонимном стихотворении, которое можно отнести к XV–XVII вв. Одна из строф его звучит так: «О, озаряющий путь *шари'ата* // О, дворец *тариката*, // О, обители *хакиката*, // Полус веры, Гезлюк-ата!» (пер. со старотуркменского авт. ст.).

Упоминание в исторических источниках полуполюгендарной личности Г.-а. отсутствует. Впервые в литературе это имя несколько раз встречается в XVIII в. в стихотворениях классика туркменской литературы Махтум-кули. Среди других популярных в Туркмени «святых», к которым поэт обращается за духовной поддержкой, он называет и Г.-а. Главным источник сведений о его жизни и деятельности — сохранные народной традицией легенды и родословные (*седжере*), насчитывающие 24 поколения. Выходец из Хорезма, Г.-а. некоторое время проходил курс суфийского учения в г. Туркестане (Яса). Там он стал последователем учения наиболее известного в Средней Азии среди тюркоязычных *суфиев*

х^а аджа Ахмада ал-Йасави (ум. в 1166/67 г.) — основателя братства Йасавайя. Г.-а. начал проповедовать на территории Золотой Орды периода правления Джанибек-хана (1341–1357), при котором, как и при его предшественнике Узбекхане (1312–1341), шел процесс активной исламизации. После этого некоторое время Г.-а. провел в степях Западного Казахстана, между Аралом и Волгой, где, скорее всего, и состоялся его брак с казашкой Аксылъ — дочерью одного из местных баев. Затем он перебрался к туркменам Северо-Западного Забалхана, у которых хорезмские суфий пользовались огромным авторитетом. Там он, очевидно, и нашел именно ту благоприятную для своей исламско-суфийской деятельности среду, которую искал. У него родилось трое сыновей — Нур-ата, Омар ('Умар)-ата и Ыбрайым (Ывык)-ата. Непосредственные потомки Г.-а. и, очевидно, влившись позднее со стороны представители других родов образовали одну из шести туркменских, считающихся святыми, групп овлад (араб. *аулад* — «дети», «потомки»), получившую тюркское название *ата*. При этом сыновья Г.-а. стали эпонимами трех главных атинских подразделений.

О Г.-а. существует немало легенд, связанных с его пребыванием в г. Туркестане, в столице Золотой Орды Сарае, в западноказахстанских степях и Забалхане. Он якобы отвратил магическую стрелу (*батыл оқы*), посланную в х^а аджу Ахмада ал-Йасави его соперником *ших* (*шайх*) Кебилом (явный анахронизм), способствовал появлению «святых» — *кырк-чылтанов* у Джанибекхана, выступивших в защиту Г.-а., которого по началу хан принял не очень приветливо, спас казаха Бугра-хана, сбившегося с дороги, превратил кислое молоко (*айран*), которое поднесла ему напиток Аксылъ, в масло, нашел и спас сына среднеазиатского Джанибек-хана, застигнутого с караваном разливом Амударьи, и т.д.

Популярности Г.-а. у местного населения способствовала активная практика характерного для братства йасавайя «громкого» *зикра* (*джахр, джер*), хорошо усвоенная им в Туркестане, которую вплоть до наших дней используют туркмены-ата. *Джахр* устраивали и с «лечебной» целью — при отчитывании душевнобольных людей и бесплодных женщин. Наиболее впечатляющий момент атинского *джахра* — ритуальные танцы, практически не отличающиеся от «лечебных» камланий туркменских шаманов-*порханов*, откуда Г.-а., очевидно, и взял этот элемент. А популярные традиции шаманизма у народов Средней Азии, несмотря на многовековое господство ислама, сохранились до наших дней.

Лит-ра: Демидов. Туркменские овлады, 140–149, 155–159; он же. Суфизм, 48–56; С.Оразгулы оглы, Г.Сарлы гызы. Гезли ата. Туркменбаши, 1995 (на туркм. яз.).

С. Дем.

Гюлшани (ал-Гулшани), Ибрахим б. Мухаммад (ум. в 1534 г.) — азербайджанский суфий, известный представитель восточнотюркского суфизма, основатель-эпоним суфийского братства гюлшанийя (гулшанийя),

последователь второго *тура* (*тур-и сани*) братства халватийя *ас-саййида* Йахьи аш-Ширвани аш-Шамахи ал-Бакуви ал-Халвати (ум. в 1464 г.), мавзолее которого находится в комплексе дворца Ширван-шахов в Баку (Республика Азербайджан). Родился в Дийарбакре (Восточная Анатолия) в семье известных анатолийских суфиев — *маулана шайха* Мухаммада 'Амиди, *маулана хаджжи* Ибрахима и *маулана* Шараф ад-дина. Согласно легенде, широко распространенной среди *дарвишей* братства гюлшанийя, его рождение предсказал персидский суфий Джалал ад-дин Руми. Г. считал себя потомком легендарного прародителя тюрков-огузов Огуз-ата в седьмом поколении, а его *силсила* возводилась через четвертого халифа 'Али к пророку Мухаммаду.

После смерти отца воспитанием малолетнего Ибрахима занялся его дядя по отцу — известный дийарбакрский суфий Сейди 'Али. Ибрахим проявлял большой интерес к суфизму, непрерывно предавался аскетическим упражнениям и обладал огромными познаниями в различных науках. В народе он прослыл чудотворцем. Жители Дийарбакра устраивали свои дела с учетом его предсказаний и советов. По завершении изучения Корана, *тафси́ров* и *хадисов* Сейди 'Али отправил Ибрахима в Мавараннахр для дальнейшей учебы у *шайхов* братства накшбандийя. По дороге тот остановился в Тебризе, где его привлекли на государственную службу при дворе султана азербайджанской династии Ак-Коюнлу Узун-Хасана (1453–1478). Один из братьев Узун-Хасана был приверженцем последователя школы халватийя Деде 'Умара Рушани (ум. в 1487 г.), жившего в Шемахе, в Ширване (Северный Азербайджан). Султан Узун-Хасан послал Ибрахима к Деде 'Умару Рушани с приглашением прибыть в Тебриз. Приехав к Рушани, Ибрахим получает от него духовное наставление (*фейз*, араб. *файд*), через Деде на него проливается божественный свет (*нур-и хакикат*), и он становится его *муридом*.

Вначале Деде 'Умар Рушани и его *мурид* Ибрахим вели свои проповеди вместе в Тебризе в *завийи*, которую специально для них построил султан Йа'куб Ак-Коюнлу (1478–1490). Перед смертью Деде поручил своих учеников Ибрахиму, который после этого начал самостоятельную деятельность в ранге *кутба* («полюс», «глава»). По легенде, обстоятельством, побудившим его создать самостоятельное братство, послужил мистический сон, в котором пророк Мухаммад через Деде 'Умара Рушани в некоем цветнике передал Ибрахиму необычный цветок. После этого Г. отказался от псевдонима Хайбати («Величественный») и стал называться *шайхом* Ибрахимом Г. Сам Ибрахим и члены его братства занимали весьма прочные позиции при дворе династии Ак-Коюнлу. *Шайху* покровительствовали султан Узун-Хасан и султан Йа'куб. За преданное служение Узун-Хасан присвоил ему титул *тархана*.

В правление султана Рустама Ак-Коюнлу (1492–1497) *шайх* Ибрахим Г. совершил *хаджж* в Мекку.